

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

ЧЕМОДАН.
ВОКЗАЛ. ОБОЙМА.

Антикор

Кирилл Казанцев

Чемодан. Вокзал. Обойма

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Чемодан. Вокзал. Обойма / К. Казанцев — «Эксмо»,
2011 — (Антикор)

Нелегальная поставка гастарбайтеров в Россию – дело хоть и противозаконное, но крайне выгодное, поэтому его крепко застолбил за собой криминальный бизнес. Тайной перевозкой рабочей силы из Средней Азии в Москву занимается фирма «Гермес». Она активно набирает обороты, поскольку «крышует» ее сам глава Департамента по труду и занятости населения. Доходы современных работоторговцев просто невероятны. Но эту криминальную структуру уже взял на прицел «Антикор» – тайная организация, которая добивается торжества закона не вполне законными методами. В «Гермес» под видом прораба проникает лучший боец «Антикора» Андрей Ларин...

© Казанцев К., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кирилл Казанцев

Чемодан. Вокзал. Обойма

Глава 1

Рахмон Сафаров уже собирался выйти из офиса, когда на рабочем столе зазвонил телефон. Было без пяти семь вечера – конец рабочего дня, самое время отправиться в любимую чайхану, чтобы в спокойствии и неге покайфовать несколько часов. Обычно в такое время никто из компаньонов Рахмона не беспокоил его по служебному телефону, друзья же обычно звонили на мобильный.

Хозяин офиса с некоторым недоумением поднял трубку:

– Алло...

Возникла пауза. В трубке слышалась приглушенная музыка, и спустя несколько секунд приятный женский голос проговорил по-русски:

– Рахмон Джураевич? Извините, что беспокою так поздно. Мне вас рекомендовала одна наша общая знакомая. Наташа... Ну, вы понимаете, о ком я. Очень нужна ваша помощь. Вы даже не представляете, насколько это важно. Не могли бы мы с вами встретиться?

Сафаров замешкался и заерзал в кресле. Тут, в небольшой и нишей среднеазиатской республике, русских почти не осталось – большинство уехало еще в девяностые, во время гражданской войны. Немногочисленные русские всегда считались в городе продвинутой и культурной публикой, и сам факт дружбы с ними заметно поднимал статус местного жителя. Единственная Наташа, которую Рахмон лично знал, была любовницей Тофика Хайдарова, его непосредственного начальника, хозяина преуспевающей фирмы по устройству местных жителей на работу в Москве. В любом случае рекомендация «от Наташи» прозвучала очень веско.

– Да, да, конечно! – заулыбался Сафаров и, с трудом подбирая русские слова, выстроил вполне вежливую фразу. – Чем я могу вам помочь?

Опять наступила пауза. Рахмон прислушивался к дыханию звонившей, а та, наверное, – к дыханию Рахмона.

– Это нетелефонный разговор, – наконец произнесла женщина глухим голосом.

– Почему, э?

– Время такое. Так вы мне поможете?

– С удовольствием! – повеселел Сафаров. – Давайте завтра, в ресторане «Фарогат», крайний столик у окна. Скажем, в восемь вечера.

– У меня неотложное дело, – печально и с придыханием сказала звонившая. – Мне крайне желательно встретиться с вами именно сегодня. И чем быстрее, тем лучше. Дело жизни и смерти. Понимаете?

Рахмон мельком взглянул на циферблат дорогих швейцарских часов. На сегодняшний день у него уже были свои планы, в которые никак не хотелось вносить коррективы. К тому же через несколько дней он должен был отбыть в Россию по служебной надобности, а это означало, что на парочку месяцев о кайфе придется забыть.

– Может, все-таки перенесем? – несмело предложил он.

– Наташа мне сказала, что вы человек добрый, справедливый и отзывчивый, никогда не отказываете в помощи друзьям ваших друзей... Впрочем, если хотите, она сейчас сама вам перезвонит.

Это явно не входило в планы Сафарова. Такой звонок мог всерьез и надолго испортить отношения с Тофиком Хайдаровым – одним из самых влиятельных людей в республике. Какому мужчине понравится, когда его любовницу впутывают в служебные дела с его подчи-

ненным?! Да и как знать – может быть, Тофик уже в курсе этого звонка, но по каким-то причинам не хочет быть засвеченным?

– Нет, если хотите, давайте встретимся сегодня, – поспешно предложил Рахмон, лихо-радочно прикидывая в уме, что это за такое неотложное дело, которое могло побудить неизвестную сослаться на Наташу, и не относится ли просьба к его будущей поездке в Москву. – Говорите, когда и где?

– Через двадцать пять минут, перекресток улиц Рудаки и Солнечной, как раз напротив чайханы. Рядом с ней будет стоять «Тойота Камри» серого цвета, с тонированными стеклами. За рулем – я. Побеседуем прямо в машине, у меня дело всего на пять-десять минут. Я хочу задать вам несколько вопросов и, если возможно, попросить о помощи. В случае положительного ответа в долгу не останусь, – многозначительно сообщила звонившая.

И модель автомобиля, невероятно дорогая для этого города, и сам факт того, что эта женщина умеет водить машину, окончательно расположили Рахмона в ее пользу. Это также наводило на мысль, что сумма вознаграждения за десятиминутное дело будет немаленькой.

– Могу ли я рассчитывать пригласить вас потом в какой-нибудь хороший ресторан, по своему выбору? – окончательно осмелел Сафаров.

– Думаю, вы сможете рассчитывать и на нечто большее, – интимным тоном пообещала подруга Наташи. – У меня действительно не терпящий отлагательства вопрос. Значит, договорились: жду вас через двадцать пять минут. Надеюсь, вы не опоздаете? Я человек пунктуальный и ценю это качество в других людях.

Короткие гудки известили об окончании разговора.

Рахмон приосанился, развел плечи и взглянул на свое отражение в зеркале. К сожалению, он не тянул на галантного кавалера. Брыластые щеки, рано налившиеся зеленоватым восточным жирком; блестящая из-под редких волосков лысина; огромный живот, колышущийся, словно грелка... Разве что строгий серый костюм и дорогая обувь несколько облагораживали его облик. Хотя сам Сафаров и предпочитал традиционный в здешних местах длиннополый халат, однако для предстоящей встречи с неизвестной европейская одежда была несомненным козырем – не в халате же садиться в дорожный лимузин!

Спустя пять минут Рахмон, поспешно закрыв офис, с портфелем в руке шагал по направлению к улице Рудаки, находящейся в двух кварталах. Редкие фонари выхватывали из полутьмы унылые картины азиатской нищеты: низкие глинобитные дома, тряпье на веревках, кучи гниющего мусора... От арыка, идущего рядом с дорогой, тянуло зловонием.

На перекрестке дымила жаровня, над ней замер толстый торговец. На сломанных ящиках сидели чернявые оборванцы и, дуя на блестящие от жира пальцы, ели запеченную баранину. Сафаров остановился и с наслаждением принялся к аромату жареного мяса. Но тут же ускорил шаг – до встречи с неизвестной оставалось немного времени.

Серую «Тойоту» он заметил сразу. Лимузин привлекательно блестел лаком и хромом. Стекло водительской дверцы было опущено, и Рахмон с удовольствием рассмотрел автолюбительницу. Это была молодая сексапильная блондинка в огромных темных очках, в чрезвычайно смелой для здешних мест полупрозрачной блузке с глубоким декольте. Она и впрямь выглядела несколько растерянно, и это внушило Сафарову мысль о своей незаменимости.

Поправив галстук и обтянув полы пиджака, Рахмон бодро подошел к машине. Блондинка обернулась и, казалось, сразу его узнала.

– Рахмон Джураевич? Ну наконец-то... Попрошу в автомобиль. Нет-нет, лучше на переднее сиденье, мне так будет удобней...

Сафаров охотно уселся рядом с женщиной – поближе к ней, как и просила. И тут произошло непредвиденное. Внезапно кто-то невидимый и сильный врубил ему чем-то тяжелым чуть левее темени. Мир, казалось, рассыпался на миллиарды разноцветных осколков, и спустя

мгновение свет померк в глазах Рахмона. А «Тойота», сорвавшись с места, помчалась в сторону темной городской окраины, простиравшейся за огромной мусорной свалкой.

* * *

– Андрей, ты его там не сильно по голове ударил? – блондинка с тревогой взглянула на обмякшее тело на заднем сиденье.

Жилистый сероглазый мужчина вытащил Рахмона из машины, уложил на землю и осторожно пощупал пульс.

– В лучшем случае – небольшое сотрясение мозга. В профессиональном боксе это называется «удар с расчетом кратковременного рауша». Жить, как говорится, будет!

«Тойота» стояла на унылой загородной пустоши неподалеку от городской свалки. От предгорий тянуло пронзительным холодком. Тусклая луна с трудом проглядывалась через рваные темные тучи. В каком-то километре от свалки светились разрозненные огоньки – там был нищий поселок хлопководов.

Сероглазый ловкими движениями обыскал карманы Сафарова. Затем отщелкнул золоченые замочки портфеля. Связка ключей, портмоне, безвкусный портсигар со стразами, мобильник, документы...

– Взгляни, Лора! – Андрей протянул блондинке пачку пустых бланков с грифом московского Департамента труда и занятости. – Все с печатями и подписями. И даты не проставлены. А ведь документы эти номерные, подлежат строгому учету...

Девушка подсветила бланки фонариком.

– Думаешь, поддельные?

– Вряд ли. Дешевле однажды дать взятку, чем сто раз подряд рисковать засыпаться на фальшивке.

Неожиданно Андрею показалось, что Сафаров на секунду открыл глаза и тут же их закрыл. Тело его, впрочем, по-прежнему оставалось неподвижным.

– Документы эти возьмем с собой, – предложила Лора. – Пусть Павел Игнатьевич через своих людей разбирается.

– Лорочка, ну сколько раз тебе говорить! Никаких имен, никаких биографий, никаких мемуаров! – строго напомнил Андрей. – Даже между собой. Одно из основных правил конспирации, кстати...

– А с ним что будем делать? – блондинка кивнула на Сафарова. – Тут оставим? Или...

Внезапно Рахмон приподнялся на колени, дико посмотрел вокруг себя, затем выпрямился и бросился бежать. Это произошло столь внезапно, что Андрей и Лора сначала растерялись. Чернильная темнота пустыря и бесконечные закоулки огромной городской свалки давали беглецу отличные шансы скрыться. А это, в свою очередь, означало, что хитроумный многоходовый план мог сорваться.

Первым сориентировался мужчина. Выхватив из рук блондинки фонарик, он побежал в сторону огромного мусорного царства. Слепой конус света выхватывал из темноты фантастический пейзаж: кучи гниющих отходов высотой с трехэтажный дом, ржавые кузова автомобилей, жесть и картон. Пробежав между огромными валами спрессованного мусора, Андрей остановился и прислушался, стараясь уловить малейший шорох. Осторожно осветил фонарем пространство вокруг себя. Ничего примечательного: разбитый контейнер с надписью «Морфлот», смятый в гармошку остов грузовика, бесформенные куски бетона с торчащей арматурой... Впереди, на груде отходов, криво возвышался огромный бульдозер с блестящим отвалом. В полутьме он напоминал огромное доисторическое чудовище.

По всем подсчетам, беглец мог или побежать по свалке в сторону города, или спрятаться среди строительного мусора, житейских отбросов и бытового старья. Первый вариант, впро-

чем, отпадал: ночью в этих лабиринтах немудрено было заблудиться. Стало быть, Сафаров, скорее всего, затаился где-то поблизости.

И тут совсем рядом послышался подозрительный хруст. Андрей дернулся, и сразу же отскочил в сторону: прямо в него летело нечто тяжелое – не иначе как кирпич. Кусок обожженной глины просвистел в каком-то сантиметре от виска Андрея, и в ту же секунду метнувшийся овал фонаря выхватил из темноты перекошенное злобой лицо Рахмона.

Увернувшись от кирпича, преследователь успел-таки схватить Сафарова за полу пиджака, однако тот с неожиданной ловкостью увернулся и словно бы провалился в чернильную тьму свалки. Преследователь моментально направил луч света в сторону беглеца, но фонарь нехотая выскользнул из его руки и свалился под ноги. В ту же секунду сбоку-сзади послышался зловещий шорох, и Андрей боковым зрением заметил занесенную руку с чем-то длинным, напоминающим обломок автомобильной рессоры...

Время словно распалось на стоп-кадры. Злорадное лицо Рахмона. Неумолимо приближающийся металлический обломок. Ущербная луна, едва проглядывающая сквозь рваные тучи...

Андрей действовал, скорее, по наитию, чем осознанно: лишь чудом увернувшись от удара, он пригнулся, схватил фонарик и плеснул светом в лицо нападавшему. Ослепленный Сафаров растерялся, выронил рессору и поднял руки, инстинктивно прикрывая глаза. Этого оказалось достаточно, чтобы Андрей, пружинисто выпрямившись, ударил его ногой в пах. Затем он схватил запястье Рахмона и резко крутанул руку назад. Сафаров согнулся и захрипел от боли. Следующий удар – кулаком в затылок – и вовсе лишил его чувств. Подхватив тяжеленное тело за руки, Андрей волоком потащил его назад – к «Тойоте»...

– Ну, слава богу, а я думала, с тобой что-то случилось! – прерывисто произнесла Лора.

– Я даже не хочу думать, что могло бы случиться со всеми нами, если бы я его не догнал, – Андрей подтащил тело к машине. – А тяжелый, однако, кабан...

– Так что с ним будем делать?

– Деньги и ценности, естественно, заберем – пусть местные менты отрабатывают версию ограбления. Документы из московского Департамента труда и занятости, естественно, тоже заберем. Ведь преступники могли их похитить вместе со всем остальным, не зная, что это такое... Я правильно говорю? А самого гражданина Сафарова оставим тут. Надеюсь, через пару часиков оклемается и побежит в райотдел заяву писать...

Аккуратно уложив Рахмана у обочины, чтобы его не переехал ночной транспорт, Андрей достал из машины бутылку коньяка и пузырек с нашатырем. Приподнял голову Сафарова, дал понюхать ему пузырек и, убедившись, что тот стал приходить в себя, вставил в рот бутылочное горлышко, после чего резко зажал нос. Сафаров сделал несколько судорожных глотков, однако Андрей продолжал зажимать ему нос до тех пор, пока тот не выпил половину бутылки. Слезы и сопли текли по лицу Рахмона, изо рта полилась горькая пена, он несколько раз дернулся и затих.

Достав из машины щетку для мусора, Андрей попятился от недвижимого тела, аккуратно замёл все следы. Открыл круглую жестянку из-под халвы и посыпал все следы смесью махорки и кайенского перца.

– Что-то заигрался я в шпионов, – улыбнулся он.

– Интересно, а что Сафаров напишет в заяве? – Блондинка уселась за руль.

– Лорочка, я ведь сам в ментуре довольно долго работал, – Андрей уселся рядом, – и могу приблизительно сказать, как оно все произойдет. Потерпевший напишет, что познакомился с красивой-красивой девушка, и тут пришел ее муж... ну, пусть лучше брат. Дали, понимаешь, по голове и украли все, заработанное годами непосильного труда... Представляю, каким перегаром от него будет разить! Если менты окажутся бездельниками, то наверняка лишь посочувствуют, пообещают найти грабителей и после нормативного года скинут дело в архив. Если местный опер окажется энергичным и грамотным, он попытается установить

номер телефона, с которого Сафарову звонили в офис, а также владелицу автомобиля «Тойота Камри» серого цвета. Первое установить не получится – ты звонила ему по Скайпу, а подобные интернет-звонки на стационарные аппараты отследить практически невозможно. Машину же мы взяли напрокат в столице, в трехстах километрах отсюда, на подставное, как ты помнишь, имя. Остается Наташа, стационарная любовница его босса... Но она о тебе даже под страшной пыткой не расскажет!

– Ей такой рассказ самой боком выйдет, – хмыкнула Лариса.

– И не говори... Тофик Хайдаров шутить не любит!

Развернувшись, машина неторопливо покатила в сторону города. Несмотря на то что в салоне были подняты стекла, едкий удушливый смрад со свалки неотвратимо наполнял салон. Лариса то и дело чихала и, морщась, поглядывала назад – в ту самую сторону, где осталось лежать тело Рахмона.

– Жаль его, что ли? – догадался проницательный Андрей.

– Признаться честно – немного жаль, – ответила девушка. – Ведь лично мне он ничего плохого не сделал.

– Мне тоже, – вполне доброжелательно согласился мужчина. – Хотя, подозреваю, многие его земляки с удовольствием линчевали бы Сафарова за обман, воровство и работоторговлю. А уж вони от фирмы, где он подвизался, у нас в Москве куда больше, чем от десяти таких вот свалок!

Глава 2

Восток – дело тонкое, а восточный бизнес – дело темное. В Средней Азии все решают не деньги как таковые, а связи, знакомства. Главное – принадлежность к тому или иному клану. Имея даже несколько десятков миллионов долларов, можно прогореть в бизнесе за считанные недели – не сунул в нужную руку бакшиш, не выказал уважения внешне незаметному, но непростому человеку, не сделал вовремя взнос в «благотворительный фонд» главы влиятельного рода...

Окна фирмы «Гермес», возглавляемой Тофиком Хайдаровым, выходили на Президентский дворец. Уже сам этот факт говорил о многом. Сами же порядки, заведенные в офисе, мало чем отличались от тех, которые царили во дворце напротив. Хан, бай, феодал – вот первые слова, приходившие на ум всякому, кто знакомился с порядками в хайдаровском бизнесе. Впечатление это усиливалось от самого вида Хайдарова: сухое оливкового цвета лицо и тяжелый взгляд черных глаз придавали ему неуловимое сходство с сатрапом. Мало кто мог выдержать взгляд этих страшных жгучих глаз – даже во дворце напротив... Впрочем, сам Тофик уверял, что в его делах невозможно без сильной руки и диктата. Через «Гермес», занимавшийся трудоустройством местных жителей в России, ежегодно проходили десятки тысяч людей, у многих из них были темные биографии и сомнительные документы. Большинство трудовых мигрантов после первых же недель работы в Москве считали себя обманутыми – впрочем, небезосновательно, – и разруливать щекотливые ситуации приходилось Хайдарову. Не без помощи прикормленных людей из Администрации президента, конечно... Если президент был полновластным монархом среднеазиатской республики, то сам Тофик, как человек из президентского клана, считался особой приближенный к «телу», был его верным сюзереном, которому прощалось многое – и русская любовница в том числе. Правда, злые языки поговаривали, что Хайдаров слишком уж доверяет своей Наташе и что она – для Средней Азии дело неслыханное! – иногда даже вмешивается в его бизнес...

...То памятное для Хайдарова утро началось с неприятного телефонного звонка. Звонил начальник милиции небольшого города, отстоявшего в трехстах километрах от столицы. Мол, полтора часа назад в местный райотдел обратился некто Рахмон Сафаров, назвавшийся сотрудником регионального отделения «Гермеса». Он якобы познакомился с красивой-красивой русской девушкой на дорогой иномарке, но тут появился ее брат, который безо всякой причины зверски избил Рахмона, затем завез его на городскую свалку и попытался убить. Сафаров дал негодяю достойный отпор и заставил его позорно бежать, но при этом потерял ценности и все документы, в том числе и паспорт.

– Потерпевший был пьян, – как бы извиняясь за Сафарова, сообщил милицейский начальник. – Утверждает, что его напоили насильно.

– Пьян? – искренне удивился Хайдаров. – Он же обычно только анашу курит! Неужели так быстро поменял «гастрономические» вкусы?

– Мы даже медицинское освидетельствование провели... На всякий случай. Можем переслать... или привезу вам лично.

Тофик с трудом подавил тяжелый вздох. Он давно бы уже избавился от Сафарова, но подобрать на его место достойную замену пока не представлялось возможным. В небольшом городке, где «Гермес» недавно открыл представительство, Рахмон слыл едва ли не самым образованным человеком. А главное – у Хайдарова срывалась поставка партии рабсилы в Москву. Ведь именно Рахмон должен был ехать в качестве одного из сопровождающих. А как отправить с такой ответственной миссией неадекватно ведущего себя человека, который к тому же еще умудрился потерять паспорт?

– Где теперь этот бездельник? – сумрачно осведомился Хайдаров.

– Наверное, дома... Или в своей чайхане, – ответил милиционер, как о чем-то само собой разумеющемся.

– Спасибо за информацию, – хозяин «Гермеса» положил трубку, нажал кнопку селектора и бросил секретарше. – Так, отыщи Сафарова и скажи, что он больше у меня не работает. Заодно объясни, сколько он должен «Гермесу» и лично мне за упущенную выгоду. Что с ним произойдет, если он не выплатит мне компенсацию на протяжении месяца, объяснять Сафарову не надо: это он и сам прекрасно знает.

Теперь предстояло срочно решить, что делать дальше. Люди, которых можно было бы отправить в Москву в качестве сопровождающих партию в сто двадцать гастарбайтеров, у Тофика, конечно же, были. Но все они занимались другими, не менее важными делами. Найти ответственного, а главное, надежного человека за несколько дней и не сломать при этом график поставки рабочей силы не представлялось возможным.

Отложив решение вопроса на неопределенное время, Хайдаров занялся текущими делами. Тем более что сегодня ожидались гости. Каждого визитера Тофик принимал по-разному. Так, например, одного красавца атлетического сложения, с выхоленной черной бородой, с золотыми кольцами на всех пальцах, Хайдаров выслушал сидя, не предлагая тому даже сесть, и отказал сухо, коротко и быстро. Встречая других, он слегка приподнимался в кресле и, бормоча что-то невнятное, указывал на стул напротив себя. А одного, не особо видного старичка в лоснящемся халате с бахромой внизу, он встретил на улице, любезно взял под руку, довел до своего кабинета и уселся лишь после гостя. Проговорив со старичком полчаса, он точно так же проводил его до двери, после чего быстро набрал номер телефона.

– Наш друг уже в Швейцарии?

– Восемь дней как приехал, – ответил голос в трубке.

– Прокурор дал согласие, можете действовать, – загадочным тоном разрешил Хайдаров. – Деньги за исполнение получите у него. Когда все будет готово, позвоните Олегу Юрьевичу в Москву.

И со спокойной душой он отправился обедать.

По своему обыкновению, ел Тофик в ресторане, и не один, а в обществе любовницы Наташи, которая жила в купленной для нее квартире неподалеку. Наташа, спелая блондинка с томным взглядом всегда влажных глаз и сочными вишневыми губами, на этот раз выглядела непривычно задумчивой и печальной.

– Что-то случилось? – поинтересовался Хайдаров, лениво пережевывая паровую осетрину.

– Тофик, я ведь тебя никогда ни о чем не просила, правда?

– Так уж и не просила, – нехотя отозвался тот.

– Ну, разве что о шмотках и курортах. Так это не важно. Теперь я хотела бы тебя попросить не за себя, а за одного человека, – извиняющимся тоном произнесла девушка. – Ты не мог бы подыскать ему место у себя в бизнесе?

– Что за человек? – мгновенно задал Хайдаров вопрос. – И почему именно ты за него просишь?

– Мой троюродный брат. Я бы к тебе не приставала, но он уже целых полгода не может подыскать себе ничего путного.

– Хм, – отозвался Тофик. – То есть ты предлагаешь взять на работу человека, которого я даже не знаю?

– Зато его хорошо знаю я. И я за него ручаюсь.

– Кем он работал раньше? Что умеет делать? Почему ты мне никогда о нем ничего не говорила? – посыпались один за другим вопросы.

Наташа обольстительно улыбнулась.

– А раньше и говорить было нечего. Давай сделаем так. Удели ему полчаса, расспроси сам, что к чему. И прими решение.

– А если он мне не подойдет? – хмыкнул Тофик. – Обидишься, наверное?

– Конечно, обижусь! Но ненадолго, я ведь отходчивая... Ты же меня не первый год знаешь.

Родственник Наташи появился в офисе «Гермеса» ровно в пять вечера – как ему и было назначено. Такая пунктуальность сразу же подкупила Хайдарова. Андрей Ларин, именно так представился гость, с первого взгляда понравился Тофику. Это был жилистый сероглазый мужчина с волевым, приятным лицом. Держался он скромно, но без подобострастия, говорил подчеркнуто уважительно и только по делу.

– Я из России, – пояснил Андрей. – Работал в милиции, рядовым опером. Поругался с начальством, пришлось уйти. Городок у нас маленький, ментовского начальства все боятся, на другую работу никто не захотел брать. Сунулся в областной центр – поцапался с бандитами, они с нашими ментами в доле. И тут Наташка позвонила, с днем рождения хотела поздравить. Как узнала о моих неприятностях, сразу и говорит, мол, приезжай, может быть, найдешь для себя что-нибудь. Я ее напрягать не хотел. Сам работу искал. Полгода уже тут, перебиваюсь случайными заработками.

– Вы, видимо, в курсе, чем занимается наша фирма? – вкрадчиво поинтересовался Тофик.

– В самых общих чертах.

– Это хорошо... – Хайдаров внимательно рассматривал Ларина и, видимо, удовлетворившись результатами осмотра, продолжил. – Значит, бывший мент. Отлично. Выходит, и раньше с людьми приходилось работать. Замечательно... Слушай, Андрей, а ты наш язык знаешь?

– На разговорном уровне за эти полгода более или менее освоил. Жить в стране, не зная ее языка – мягко говоря, не уважать себя. Не говоря уже о жителях этой страны. Да и с работой у безязыкого сложностей больше.

– Гражданство у тебя чье?

– Российское, естественно. А тут вид на жительство недавно получил.

Мысль о замене проштрафившегося Сафарова вот этим сероглазым мужчиной появилась у Хайдарова спонтанно. И чем больше он смотрел на троюродного брата любовницы, тем больше в этой мысли утверждался. А почему, собственно, и не взять? Ведь этот русский по всем параметрам идеально подходил на роль одного из «бригадиров» партии гастарбайтеров. И уж наверняка он не увлекался анашой и подозрительными девушками, как Рахмон.

– Хорошо, Андрей, – заулыбался Тофик. – Допустим, я взял тебя на работу. Допустим, отправил в командировку в Москву. И притом не одного, а с большой партией работников, за которых ты будешь отвечать. А если у тебя возникнет какая-нибудь проблема – что ты сделаешь?

– Если подойти к вашему заданию с умом, никаких проблем не возникнет, – спокойно парировал Ларин.

– Так уж и не возникнет... – нахмурился Хайдаров. – А если все-таки что-нибудь случится? Допустим, наш работник в Москве анашой обкурится и в нехорошую историю вляпается. Или зарежет кого-нибудь. И что тогда?

– Разрулю на месте. Например, при помощи взятки. Я все-таки бывший мент, сунуть деньги, чтобы их взяли, сумею, – парировал Ларин.

– Вот и прекрасно, – скупой улыбнулся Тофик. – Но взятку ты будешь давать из своих собственных сбережений. Все форс-мажоры тоже будешь оплачивать из своего кармана. В том числе и мне лично. Так что следи, чтобы твои люди не создавали никаких проблем, они тебе боком выйдут. Это, надеюсь, понятно?..

...Конечно, присутствуя при беседе Сафаров, он непременно узнал бы в этом подтянутом сероглазом мужчине своего недавнего обидчика. Однако Рахмон сейчас находился в трехстах километрах от столицы и был занят сбором денег у многочисленных родственников, чтобы погасить неожиданно возникший долг Хайдарову.

А Андрей Ларин, после негласной проверки местными ментами, был-таки принят на работу и отправлен с партией гастарбайтеров в Москву «бригадиром».

Сам же Тофик почти что забыл об этом человеке. Со дня на день в Швейцарии должно было окончательно разрешиться одно дело, от которого зависел его бизнес...

Глава 3

Вот уже вторую неделю Андрей Ларин бригадировал в Москве, возглавляя смену среднеазиатских гастарбайтеров. Хлеб трудового мигранта оказался еще более тяжким, чем предполагал Андрей. Хотя сам он практически и не работал на стройке – не таскал кирпичи, не мешал бетон, не штукатурил стены. Почти все свободное время уходило на разруливание самых разнообразных ситуаций, то и дело возникающих вокруг гастарбайтеров и в их среде. Андрей бегал по отделениям милиции, санэпидемстанциям, миграционным службам; увещевал, обещал, извинялся, а главное – везде и всем давал взятки. Даже в тех случаях, когда ему об этом открытым текстом и не говорили. Это, впрочем, были обычные «дежурные» взятки, на дачу которых Тофик Хайдаров выдал ему под расписку отдельную сумму. Если бы кто-нибудь из подопечных Андрея попался на чем-нибудь серьезном, сопряженном с Уголовным кодексом, сумма бакшиша возросла бы многократно.

По вечерам, засыпая на продавленном диване в бригадирской бытовке (рядовые рабочие спали на линолеуме в недостроенных квартирах нижних этажей новостройки), Ларин прикидывал сумму, потраченную на подношения только за прошедший день. Сумма выходила немаленькой. Произведя в уме нехитрые арифметические действия с умножением такой вот суммы на приблизительное количество гастарбайтерских бригад в Москве и Подмосковье, Андрей получал астрономический результат. Струйки «черного нала» как-то незаметно сливались в ручейки, которые стекались в полноводные реки.

Куда впадают эти потоки? Кто конечный получатель? Как они потом распределяются? Все это предстояло выяснить. Ведь операция по внедрению Ларина в фирму по экспорту дешевой рабочей силы тщательно планировалась почти полгода...

* * *

Ничто не нарушало покоя небольшого швейцарского городка, утопавшего в свежей зелени альпийской долины. Каждое утро из ворот нарядных коттеджей выезжали разноцветные малолитражки, развозившие жителей на работу. В полдень на желтой башне кирхи лениво потренькивал колокол. В обед хозяева кафе расставляли стулья у входов в свои заведения. Вечерами по старинным булыжным мостовым степенно прогуливались семейные пары. А на огромном зеленом холме, возвышавшемся над городком, вот уже шестьсот лет темнели циклопические развалины старинного рыцарского замка, и разноцветные кабинки фуникулера, недавно проложенного между городком и горой, с раннего утра и до позднего вечера возносили к нему туристов.

В последнее время в этом благополучном кантоне появилось немало русских нуворишей. Они, не торгуясь, снимали самые дорогие виллы, их дети гоняли по горным дорогам на роскошных спортивных машинах, тюнингованных по последнему писку автомобильной моды, а по вечерам все они шумно гуляли в ресторанах, осчастливливая официантов щедрыми чаевыми.

Один из таких гостей – правда, без семьи, поселился в шикарном особняке в самом центре городка. Андрей Дерищенко, а именно так звали этого человека, почему-то сторонился соотечественников. В рестораны он навещался лишь изредка, заказывал столик исключительно на одного и ничего крепче пива на людях не употреблял. В гонках по серпантинам на спортивных машинах замечен не был, в страсти к дорогим и безвкусным покупкам – тоже. Целыми днями Дерищенко неторопливо гулял по городу, то и дело поднимаясь на фуникулере к горе с развалинами замка. Правда, некоторые местные, стоявшие от него неподалеку, потом утверждали, что «этот русский» то и дело прикладывается к какой-то фляге. Сам же Виктор

утверждал, что во фляге находится некое лекарство для укрепления сердечной мышцы, которое он должен принимать регулярно, для восстановления подорванного на государственной службе здоровья. И действительно, пьяным его никто и никогда не видел. Почтенный хозяин особняка потом рассказывал, что этот человек является у себя на родине каким-то высокопоставленным чиновником в иммиграционном ведомстве и потому даже тут страшно боится засветиться в откровенно непрезентабельном виде.

И действительно: в Москве Дерищенко занимал одну из самых «хлебных» должностей, будучи ни много ни мало главой Департамента труда и занятости. Именно через него проходило огромное количество документов, от которых во многом зависела миграционная политика – а значит, и финансовые потоки. Именно Дерищенко представлял в правительство квоты на иностранных рабочих, именно он решал, сколько именно таджиков-строителей или молдаван-плиточников прибудет в Москву. Именно через него проходили огромные суммы многочисленных федеральных программ по переквалификации и трудоустройству. Именно его ведомство предоставляло данные о профессиональной востребованности в рекрутинговые агентства и фирмы по трудоустройству. Немало людей и в родном Департаменте, и во многих столичных бизнес-структурах были бы рады поставить подножку этому человеку, подловив на нелояльности по отношению к властям, аморалке или хотя бы обычной пьянке. Однако высокопоставленный чиновник, приехав в Швейцарию в отпуск, вел внешне безукоризненный образ жизни, и потому собрать на него компромат здесь вряд ли представлялось возможным...

...Дойдя до подножия горы, Дерищенко поднялся на фуникулерную площадку. Блестящие окна кабинки отразили тройной подбородок, аккуратно подстриженную щеточку усов и настороженный взгляд ледяных глаз. Шагнув внутрь, Виктор убедился, что он один.

– Наконец, можно и расслабиться, – пробормотал он; как и всякий человек, долго живущий за границей и избегающий общаться с соотечественниками, этот высокопоставленный чиновник нередко разговаривал сам с собой.

Кабинка неторопливо заскользила наверх. Сунув руку во внутренний карман пиджака, Дерищенко с удовольствием нащупал плоскую флягу и нетерпеливо ее извлек. Только теперь, находясь в полном уединении и без свидетелей, высокопоставленный чиновник мог от души хлебнуть виски. А где еще пить без свидетелей? В снятом коттедже исключено – наверняка застучает хозяин. Ресторан исключается – там можно нарваться на некстати подвернувшихся московских знакомых. А кабинка фуникулёра – самое то. Меньше чем за полчаса, которые фуникулер поднимался к замку, Дерищенко умудрялся напиваться, а доходил до кондиции уже среди замшелых развалин. Там он обычно залезал на оплывший донжон, куда обычно никто из туристов не поднимался. Подремав среди камней несколько часов, он возвращался в коттедж относительно трезвым. За те две недели, которые скрытый алкоголик жил в Швейцарии, такой способ пьянки уже вошел у него в привычку.

Кабинка неторопливо скользила к вершине горы. Солнце лезло в зенит. Внизу проплывала темно-зеленая долина с изумрудными проплешинами полянок. Узенькая речка в лучах утреннего солнца поблескивала ртутным серебром. По серпантину слева медленно тащились микроскопические автомобильчики. Свинтив с фляги пробку, Дерищенко сделал несколько больших глотков. Острый кадык заходил под подбородком, вискарь потек из уголков рта, и мужчина сразу же ощутил, как мягкие теплые волны разливаются по всему телу.

Пронзительно поскрипывали тросы над головой, ветер раскачивал легкую кабинку. Пассажир часто прикладывался к фляжке, то и дело поглядывая на циферблат дорогущего «Патек Филиппа» в платиновом корпусе.

– Я же этому чурбану еще сегодня утром должен был позвонить! – неожиданно спохватился он, достал мобильник и поспешно набрал номер.

– Тофик Рашидович? Ну, здравствуй, дорогой...

– И тебе того же, – степенно ответил голос в трубке.

– Так ты принимаешь мое предложение? – Дерищенко отхлебнул из фляжки.

– Боюсь, что оно меня не устраивает, – вежливо возразил абонент. – Ты слишком много хочешь.

– Походи по базару, поищи другого компаньона в Москве, – не без самодовольства посоветовал глава Департамента труда и занятости. – У тебя, Тофик, выхода другого нет. Или соглашайся на мои условия, или отыщу более сговорчивого компаньона.

– Дай мне немного подумать, – с неожиданным миролюбием отозвался Хайдаров. – Быстрота только на пожаре да при поимке блох нужна...

– Ну, думай, думай... пока я не передумал, – бросил пассажир фуникулера и нажал на отбой.

Допив содержимое фляжки, Дерищенко захмелел окончательно и принялся размышлять, что делать дальше. Хайдаров вроде бы почти созрел принять его условия. Это, в свою очередь, означало, что кривая финансового благополучия самого Дерищенко должна была в самое ближайшее время поползти вверх.

Так почему бы не устроить себе праздник? Погода стоит теплая, и среди развалин можно отдохнуть чуть дольше обычного, не рискуя при этом замерзнуть. Теперь предстояло решить, где прикупить спиртного. Это можно было сделать в ресторане у подножия замка. А можно было затариться виски на небольшой смотровой площадке в середине пути – высокая черепичная крыша магазинчика уже маячила вверх. Подумав, пассажир фуникулера решил остановиться на втором варианте. Ведь в ресторане могли оказаться знакомые из соседних коттеджей или, чего доброго, случайные приятели из России.

Вскоре кабинка поравнялась с серединой смотровой площадкой, и Дерищенко нетерпеливо приоткрыл дверку. Он уже занес ногу, чтобы выйти наружу, однако в этот момент зафиксировал боковым зрением мужской силуэт, стремительно надвигавшийся слева...

Внезапно сильнейший удар в челюсть опрокинул пьяного на спину. Мгновение – и в кабину ворвался какой-то странный тип. Это был высокий мужчина со злым скуластым лицом и удивительно длинными, как у гиббона, руками. Почему-то обратила на себя внимание подзорная труба, торчащая из бокового кармана. И хотя Дерищенко был ошарашен внезапностью нападения и испытывал физическую боль, он все-таки успел отметить: этот скуластый, скорее всего, уроженец Средней Азии...

Захлопнув дверку, страшный незнакомец присел на корточки и быстро обыскал одежду жертвы. Достал бумажник, кредитки и документы, распихал их по собственным карманам. Поднялся во весь рост, внимательно посмотрел на кабину, плывущую впереди, а потом на заднюю. Обе были пусты. Дерищенко отличался предусмотрительностью и никогда не садился в фуникулер, если на площадке была даже небольшая очередь. Но сейчас это обстоятельство сыграло с ним злую шутку.

– Вот и хорошо, – пробормотал азиат и, рывком открыв дверь, продолжил: – Алло, мужик... Ты без парашюта никогда не прыгал?

Дерищенко понял: это конец. Приподнявшись на локте, он униженно припал к ноге скуластого. Казалось, прикажи тот облизать свою обувь – и распоряжение будет вмиг исполнено.

– Пощади, а! Не убивай! – бессвязно залепетал чиновник. – Хочешь – я тебе денег дам? Бумажник, кредитки, все, что у меня есть – себе забирай! А еще у меня денег на номерном счету... Много-много!

– Детям твоим пусть останутся, – нападавший недобро прищурился. – Только вот написать завещание у тебя времени нет.

– За что? – выдохнул Дерищенко.

– За то, что Тофика Рашидовича решил обмануть, – деловито пояснил скуластый.

– Мы ведь с ним только что обо всем договорились! – заскулил чиновник.

– С ним, может быть, и договорились. Но не со мной! – хмыкнул нападавший и со всей силы ударил жертву ногой в висок.

Отброшенный ударом к стене кабинки, Дерищенко сразу же потерял сознание. А скуластый, приподняв безжизненное тело, подтащил его к открытой дверке и толкнул вниз...

...Весть о смерти высокопоставленного русского чиновника распространилась по городку в тот же день. О несчастном случае судачили везде: в кондитерских и магазинах, в офисах и семейных домах. Патологоанатомы, производившие вскрытие тела, установили, что на момент падения Дерищенко был сильно пьян. Да и серебряная фляга с остатками виски, найденная в кармане покойного, свидетельствовала о том же. Правда, нашлись свидетели, которые утверждали, что на серединной площадке в кабинку к чиновнику вроде бы заходил какой-то высокий скуластый мужчина, однако дознаватели не придали этому обстоятельству должного значения.

Раскручивать дело об умышленном преступлении было не с руки. Скандал вокруг убийства неминуемо отвратил бы от этого городка иностранных туристов, что нанесло бы непоправимый ущерб городскому бюджету. Да и российское посольство не проявляло активности. Спустя два дня наконец была озвучена официальная версия: гражданин Российской Федерации Дерищенко В. И. стал жертвой несчастного случая – он случайно выпал из кабинки фуникулера с семидесятиметровой высоты.

* * *

В Москве известие о смерти главы Департамента труда и занятости было встречено не без сдержанного злорадства. Во-первых, по мнению многих, в последнее время этот высокопоставленный чиновник совсем зарвался и начал брать не по чину, замыкая финансовые потоки исключительно на себя. Во-вторых, на все ключевые должности в Департаменте он поставил только своих лизоблюдов, которые также брали больше положенного. Ну а в-третьих, смерть высокопоставленного государственного деятеля открывала дорогу для карьерного роста всем, кто находился ниже его по служебной лестнице, и прежде всего его первому заместителю – Олегу Юрьевичу Пролясковскому.

Не прошло и двух недель, как Пролясковский, пребывавший до этого в должности заместителя главы Департамента труда и занятости, перебрался в кабинет покойного Дерищенко, занял его кресло. Теперь его должность называлась – глава Департамента – правда, с обидной приставкой «и. о.». Что означало – наверху ему доверяют не полностью и в любой момент могут выкинуть из кресла и кабинета. Однако Пролясковский надеялся, что и. о. – явление временное, приставка вскоре исчезнет, вот тогда он и сможет по-настоящему развернуться на «хлебном» месте. Первый же визит он нанес своему давнему другу – Тофику Рашидовичу Хайдарову.

О чем говорили Хайдаров и Пролясковский, так и осталось загадкой – беседа велась в специально снятой для этих целей «президентской» вилле, что исключало любую прослушку. Однако в самом конце разговора на виллу подъехал тот самый старик в потертом халате, который несколько недель назад навещался в офис «Гермеса». Старик, выслушав витиеватые фразы благодарности московского гостя, получил из рук Проляковского тяжелый дорожный кейс, в каких нередко перевозят наличность...

* * *

Москвичи за последние годы уже привыкли к тому, что их город превратился в гигантскую стройплощадку. Столичный пейзаж уже невозможно представить себе без строительных кранов и разборных лесов, затянутых зеленоватой сеткой. Вроде бы это в новинку. Но все в

истории повторяется. Такие периоды в жизни города уже были. В пятнадцатом веке на месте старого Кремля приезжие архитекторы-итальянцы возводили новый, из красного кирпича, радикальным образом перекраивая облик Белокаменной. Второй строительный бум случился в семнадцатом веке при царе Алексее Михайловиче, населившем Москву во время Тридцатилетней войны угнанными с родных мест белорусскими мастерами. Именно они и возводили церкви, каменные палаты, украшали их майоликовой плиткой, настенными росписями.

Жителям российской столицы не привыкать к тому, что на их стройках трудятся иностранцы. Даже знаменитые московские небоскребы, высотки, украшенные шпилями, на рубеже сороковых-пятидесятых начинали возводить пленные немцы. А продолжили строительство свезенные со всей многонациональной страны каменщики, сварщики, бетонщики... И многие из них навсегда остались в столице.

Большая стройка – это всегда закрытая для обычных жителей города территория. Потому о мегастройках и складывают городские легенды. Так, о сталинских высотках москвичи рассказывали, будто возводят их ээки, привезенные из концлагерей под охраной бойцов МГБ, и живут строители прямо в недостроенных домах, потому и не видно их в городе.

Вот и теперь жизнь за строительным забором для многих является тайной. Не потому, что в нее трудно проникнуть – просто многим нет и дела до того, что там творится. А ведь любое строительство – это всегда огромные деньги, которые, как известно, наравне с информацией правят миром. Именно возле строек, особенно ведущихся на бюджетные деньги, и складываются самые изощренные коррупционные схемы. Недаром же стоимость квадратного метра новостройки в Москве – одна из самых высоких в мире. Хотя предпосылок для этого вроде бы и нет. Ведь трудятся на возводимых зданиях в основном приезжие, готовые вкалывать с утра до вечера за деньги, которые коренной москвич может даже поленился поднять с мокрого тротуара. Построить подешевле, продать подороже, а разницу положить себе в карман – вот принцип застройщиков всего мира. Все остальное – «сказки для бедных».

Россия же устроена так, что положить застройщику разницу в карман целиком никак не удастся. Больше половины приходится на всяческие откаты, отстегивания, многочисленные взятки десяткам проверяющих. А их хватает: это и милиция, и пожарные, и санэпидемстанция, и технадзор...

Обо всем этом Андрей Ларин, конечно же, знал еще задолго до того, как оказался на стройке в качестве бригадира группы среднеазиатских гастарбайтеров. Но одно дело знать и подозревать, другое – столкнуться с явлением лицом к лицу, оказаться в шкуре рядового участника строительства. Вот тогда и начинаешь смотреть на мир совсем другими глазами, моментально разочаровываешься чуть ли не во всем человечестве. Чиновники, милиционеры, проверяющие, которые при другой системе вполне могли быть честными, порядочными людьми, в одночасье превращаются во взяточников. Одни берут деньги как бы неохотно, стыдливо отводя глаза, другие же нагло вымогают их – но не отказывается никто. Во всяком случае, за все время службы бригадиром Ларину с таким уникальным явлением столкнуться не довелось.

Объект ему достался сложный – здание оптового гипермаркета, расположенное на выезде из Москвы сразу за Кольцевой. Все строители строго делились здесь на две категории, на два мира, существующих в параллельных плоскостях. Все ИТРы, инженерно-технические работники, – а это значит прорабы, мастера, геодезисты – были или из самой Москвы, или из Подмосковья, как и самые высококвалифицированные рабочие: крановщики, операторы строительных установок. Только они и получали за свой труд то, что было положено им по закону. Остальную же черновую строительную работу выполняли гастарбайтеры-среднеазиаты: сварщики, каменщики, опалубщики, бетонщики, монтажники, подсобные рабочие. От этой категории требовались лишь две вещи: работать, работать да слушаться. Расценки и нормы выработки, заложенные в проекты и сметы, писались не для них и выплачивались не им. Чужакам платили жалкие гроши лишь для того, чтобы за месяцы изнурительной работы эти рабы все

еще могли таскать кирпичи, месить раствор, копать землю и не умерли при этом с голоду. Ведь они оставались абсолютно бесправными. По жестким правилам, введенным в фирме по трудоустройству, паспорта у рабочих забирали бригадир и хранил их у себя. Также не были положены им и мобильники. За этим следили строго. Разве что вооруженную охрану к ним не приставляли. А зачем, если стройка – единственное место, где современный раб может найти себе кусок хлеба и кое-что из сэкономленного отправить на родину?

Рабочих вакансий в Москве хватает, но человека без российского паспорта, гражданства и регистрации туда может определить за взятку только очередная фирма по трудоустройству, во главе которой стоит очередной Хайдаров. Правда, носить он будет другую фамилию. Но это не столь важно. Хайдаров и ему подобные – тоже всего лишь ставленники настоящих хозяев этого бизнеса. Ведь, как справедливо писал еще в советские времена один сатирик: «Что охраняешь, то и имеешь». Если кто-то поставлен от государства следить за порядком в области трудоустройства мигрантов, то он с этого дела положенное ему непременно откусит.

Только с первого взгляда наплыв нищих иностранцев в Россию может показаться явлением стихийным и неорганизованным. Нет, все здесь продумано до мелочей и ничего не пущено на самотек. Здесь, как и во всей стране, существует строгая вертикаль власти, в самом низу которой находится бригадир. Вроде бы и небольшой начальник, но в то же время для гастарбайтеров царь и бог. Он тот, кто прикрывает их от внешнего мира. Может спасти, а может и утопить. Это тот человек, из рук которого они получают деньги – может дать, а может – и нет. Это его распоряжения они должны выполнять беспрекословно...

Каждый подневольный человек, даже самый последний раб, будет слушаться надсмотрщика только в двух случаях: первый – если он его смертельно боится, второй – если он его безмерно уважает.

И Андрей Ларин, став бригадиром, выбрал второй путь – еще там, в Средней Азии, когда перед ним построили в две шеренги сорок местных уроженцев, выходцев из одного небольшого поселка. Он всмотрелся в их лица. Обычно для европейца все азиаты на одно лицо. Но Ларин уже полгода как готовился к своей новой «должности». Не зря шесть месяцев прожил в этой среднеазиатской республике и даже немного овладел местным языком. Он научился разбираться в здешних людях и знал, что уроженцы этих мест с чужаками поначалу всегда неискренни. Такова традиция, выработанная веками. И с этим восточным колоритом ничего не поделаешь. Это всего лишь один из факторов, которые следует учитывать. Некоторые из мужчин и прежде ездили на заработки в Россию. Другие, помоложе, отправлялись туда в первый раз. Но все смотрели на Андрея с надеждой – ведь бригадир тот человек, от которого будет зависеть их жизнь вдали от родины, а главное – заработок. Ларин знал, как завоевать доверие незатейливых и в большинстве своем малообразованных людей. Не надо лишних слов, нужен поступок: абсолютно неожиданный, способный удивить своей неординарностью.

Андрей сделал шаг к шеренге, пожал оторопевшему мужчине средних лет в тибетейке руку, назвал сам и спросил, как его зовут. Затем проделал то же самое с остальными тридцатью девятью своими подопечными. По шеренгам пошел удивленный шепоток, даже гастарбайтеры со стажем с подобным либерализмом в лице бригадиров раньше не сталкивались. Ларин жал руки, запоминал чуждые славянскому уху имена и смотрел в глаза. Если видел там не только удивление, но и искреннюю радость, понимал, что перед ним человек, на которого он сможет положиться. Если же смотрели на него подобострастно и в то же время настороженно, с непониманием, то вывод напрашивался сам собой – человек с гнильцой внутри, и с ним следует вести себя поосторожней. Будет возможность – обязательно подставит.

Первый шаг к тому, чтобы его уважали, Андрей сделал. А потом в этом направлении сделал еще очень многое: и по дороге в Москву, и на самой стройке. Ларин безоговорочно заслужил себе репутацию строгого, но справедливого человека, способного постоять за своих

горой. Особенно щепетильно повел он себя в вопросе раздела заработанных денег, поскольку ради них люди и отправлялись за тысячи километров от родного дома.

Глава 4

Глухо гудел подъемный кран. Содрогалась бетономешалка. На стройку гипермаркета заезжали миксеры. Брызгала искрами электросварка. Заправлял всем этим «сумасшедшим домом» немолодой прораб – седой мужчина с колоритной внешностью и длинными волосами, которые он носил собранными в хвост на затылке. А звали его – Фидель Иванович. Так уж случилось, что продвинутые родители называли его в честь лидера кубинской революции Фиделя Кастро. Во времена Хрущева многие диссидентствующие интеллигенты, особенно из технарей, увлеклись событиями на Кубе. Ведь тогда людям еще казалось, что это только в СССР построен неправильный социализм. А вот на Острове Свободы, с чистого листа, все пойдет по-другому. Вот и отпускали геологи и любители туристических походов и песен под гитару у костра бородаки а-ля Че Гевара и Кастро.

Во всем, что касалось бригады азиатов, Фидель Иванович контактил только с Лариным. Прораб ставил задачу, Андрею же предстояло решать, как она будет исполнена.

– Сегодня деньги должны привезти, – шепнул прораб Ларину.

Сообщать эту новость своим подопечным или умолчать о ней – было теперь всецело на совести Андрея. Как и то, какую часть этих денег отдать рабочим. По большому счету следовало промолчать. В конце концов, обещания могли не совпасть с действительностью. Зачем лишний раз людей обнадеживать?

Фидель Иванович присел на край бетонной плиты, закурил сам и протянул пачку Ларину. Тот отрицательно качнул головой – мол, не курю.

– Извини, забыл, – прораб потуже подтянул резинку, стягивающую хвост на затылке, и с отвращением посмотрел на стройку. – Достало, – зло проговорил он.

– Что именно? – поинтересовался Андрей.

– Да все достало, – Фидель Иванович даже сплюнул под ноги.

– А чего так? – спросил Ларин. – Теперь же не советские времена, когда тебе и бетон вовремя не доставят, и рабочие вечно пьяные. Все же вертится-крутится, работай – не хочу. А мои ребята не пьют. Покуривают иной раз, но никогда в ущерб работе.

– Тогда одни проблемы были, теперь другие, – пыхнул сигаретой прораб. – Я еще в восьмидесятых мастером на стройке начинал. Тогда тоже проверяющие, те, кто процентки мне подписывали, взятки брали. Но ведь это же мелочь, о которой и говорить не стоит. Даже такса твердая была. За каждую тысячу приписанных полновесных деревянных рублей свыше сметы полагалось отстегнуть один целковый, и не больше! Ну, еще, бывало, самосвал с бетоном на строительство дачи проверяющему отправишь. Так это вообще за кражу не считалось. Тогда основной проблемой было, как из пальца лишнюю зарплату работягам высосать. Теперь же сам черт ногу сломит, что с бумагами творится. У меня в смете и процентках зарплата по государственным нормам заложена. Тоже не густо, если брать по московским ценам. Но твоим абрекам такое и близко не снилось. А мне наряды приходится именно по этим расценкам закрывать, на каждом моя подпись стоит. Если проверка случится, с кого потом спросят – куда деньги ушли? С меня. С виду-то, если с Кольцевой смотреть, все тут выглядит красиво. А на самом деле металлоконструкции поставляют не той марки, которая в проекте заложена. Да и сварщики твои с монтажниками, не думаю, чтобы когда-нибудь своей профессии толком учились. Вот ты мне скажи – есть хоть один учебник для профессионального сварщика, написанный по-таджикски или по-туркменски?

– Честно говоря, не знаю. Но подозреваю, что вряд ли.

– Вот именно, – поднял палец прораб, словно грозил кому-то невидимому. – Я-то точно знаю, что – пока еще нет. А твои архары высокогорные по-русски два слова связать могут. Так что их в лучшем случае, как в Средние века учили, когда бухарский мастер на пальцах

натаскивал подмастерьев. А те на него горбатились за пиалу риса в день. Честно говоря, на этом гипермаркете, когда мы его закончим, надо будет большую табличку повесить, что ходить под его сводами небезопасно. Лично я свою жену и детей сюда никогда не поведу.

– Однако работаешь и бумаги подписываешь, – проговорил Андрей.

– А что остается? Вот до пенсии доработаю, и к черту все! Буду на даче капусту выращивать и хороший рок слушать. Даст бог, меня в землю закопают раньше, чем эта херня безвинным людям на голову обвалится. На соплях ведь держится, – вздохнул Фидель Иванович и, задрав голову, посмотрел на россыпи искр электросварки, мелькавших в хитросплетениях металлоконструкций.

В кармане у Ларина запиликал мобильник. Он глянул на номер. Звонили из той самой среднеазиатской республики, откуда он привез гастарбайтеров, о чем свидетельствовал международный код, но номер был незнаком.

– Аллё, я слушаю, – бросил в трубку Андрей.

На том конце линии послышалось что-то не слишком внятное. Говорили радостно, быстро и мало того, что не по-русски, а еще и картавили. Из всего услышанного Ларин смог разобрать только имя одного из своих работяг-гастарбайтеров – Вахид. Наконец, подключив весь свой словарный запас, приобретенный за полгода жизни в Средней Азии, и попросив говорить помедленнее, Андрей сумел разобраться, в чем дело. У тридцатилетнего сварщика Вахида из его бригады родился сын-первенец.

– И как ты на этом птичьем языке только чирикать научился? – в который раз удивился прораб. – И что там случилось? Начальство из Азии интересуется, как дела идут?

– Нет. У одного из моих трудяг сын родился.

– Хоть что-то хорошее сегодняшней день принес, – улыбнулся Фидель Иванович. – Только ты не спешь своим душманам об этом сообщать. А то работа станет.

– Тоже правильное решение, – согласился Андрей.

Ближе к вечеру привезли деньги. Доставил их курьер. Вот тут-то работа на высоте и застопорилась. Вмиг погасли огни сварки, замерла в воздухе уже поднятая металлическая ферма. Рабочие с высоты смотрели на то, как курьер выходит из машины, без лишних слов передает Ларину увесистый пакет.

– Что-то многовато сегодня. Не ошибся? А то министерскую зарплату мне вручишь, – взвесил в руке пакет Андрей.

– В министерство наличкой бабки не носят. А вам сторублевыми купюрами сегодня дали, – отозвался курьер.

– Ничего. Деньги, они всегда деньги. Мог бы и грузовичок с монетами притарабанить. Мои парни неприхотливые.

Сумму не пересчитывали. Никаких документов и расписок от Ларина не требовалось. Как и в любом другом криминальном бизнесе, это было лишним. Так напутствовал перед отъездом в Москву с группой рабочих Ларина Хайдаров: «Нарушить негласно заведенные правила можно лишь два раза: в первый и в последний».

– Могу на время тебе свою прорабскую освободить, – предложил Фидель Иванович.

– Лишнее. У меня все прозрачно и на виду делается. Лишнего себе не беру.

– Как знаешь.

Андрей вытащил из кармана металлический судейский свисток и пронзительно трижды свистнул, что должно было означать общий сбор. А дальше произошло то, что можно было бы назвать соревнованиями по скоростному спуску. Гастарбайтеры буквально свалились с высоты, кольцом обступили Ларина и с надеждой посмотрели на него. Первым делом Андрей вынул причитающуюся ему сумму и положил в карман. Азиаты заворуженно следили за движениями своего бригадира.

– А теперь все отошли и построились, – распорядился Ларин.

После этого он стал по одному вызывать рабочих, называя их по именам.

– Умед, Фархот...

Наконец очередь дошла до гиганта с непропорционально маленькой головой – Ораза Ширинбекова. Этот мрачный тип уже давно был на примете у Андрея. Еще в первые дни пребывания в Москве Ораз подкатился к бригадиру с предложением: мол, он может облегчить ему жизнь. Все сводилось к тому, что поддержание порядка в бригаде Ораз хотел взять на себя по принципу армейской «дедовщины». Он и несколько его дружков по мере надобности учили бы уму-разуму строптивых соотечественников. За это, естественно, получали бы доступ к распределению денег. Ораза боялись, он был младшим братом участкового в поселке, где набирались рабочие, и милиционер по указке брата мог сильно прижать семьи гастарбайтеров. Ларин, естественно, от подобных услуг отказался.

– Почему так мало? – спросил Ораз, когда Андрей вручил ему деньги.

– Что-то не так? Ты у ребят спроси. Они видели, как ты работал. Другие за тебя корячились. Вот они больше и получают.

Трое «шестерок» Ширинбекова двинулись к Ларину, но Ораз остановил их движением плеча.

– Как скажешь, бригадир, – недобро прищурился он. – Твое слово – закон. Но только потом не обижайся.

– И не таких, как ты, обламывал, – ответил Андрей и назвал следующее имя. – Вахид.

Когда все деньги были розданы и рабочие уже были готовы вернуться на свои места, Ларин остановил их.

– Есть хорошая новость. У Вахида сын родился.

Сварщик сперва замер, неуверенно улыбнулся, а затем до него дошло. Он буквально запрыгал от счастья. Односельчане бросились его обнимать. Лишь Ораз со своими «шестерками» остался в стороне. Андрей выждал, когда схлынет первая волна восторга, и громко произнес:

– По такому случаю нужно сделать отцу первенца подарок, – он вытащил из кармана несколько купюр, положил их на бетонную плиту и, чтобы не сдуло ветром, прижал половинкой кирпича.

Рабочие подходили, клали деньги – кто больше, кто меньше. Жали Вахиду руку.

– Ну, а ты? – глянул Ларин на мрачного Ораза.

– Сын – дело нужное, – ответил гигант и, все-таки отслонявив одну купюру, небрежно положил ее под обломок кирпича.

То же сделали и его приближенные. Вахид принялся прижимать руки к сердцу и чуть ли не в пояс кланяться товарищам. Собранные деньги завернул в обрывок газеты и запихнул в нагрудный карман сварщицкой робы.

– А теперь по местам. Работу никто не отменял.

Дважды Андрею повторять не пришлось. Вскоре уже вновь сыпались искры электро-сварки, гудел кран, позванивали металлоконструкции. Через этот гул пробивался радостный напев счастливого сварщика.

Солнце уже клонилось к западу. Рабочая смена заканчивалась. Но только для местных рабочих, а не для приезжих. Погасли прожектора на подъемном кране. Русские строители потянулись в бытовку. Фидель Иванович попрощался с Лариным. Новенький автобус повез строителей к Москве. А вот гастарбайтеры продолжали закреплять пролеты ферм.

Вахид и в самом деле, как предполагал прораб, нигде специально не учился своему искусству. В том смысле, что не было у него ни диплома об окончании строительного колледжа, ни даже разряда. Постигал секреты прямо во время работы в «подмастерьях». В конце концов, средневековые создатели булатной стали тоже никаких ПТУ не оканчивали.

Вахид сидел верхом на выступе металлической фермы, пристегнув карабин страховки к раскосу. Через затемненное стекло в щитке маски он видел россыпь искр и то, как расплавленный электрод намертво скрепляет ферму с опорой. Брызнули последние искры, Вахид повесил зажим с огрызком электрода на балку и поднял маску, чтобы оценить работу. Но сделать этого не успел – погас прожектор. Глаза после яркого света плохо различали, что делается впереди. А там, под уже возведенной частью крыши, явно ощущалось какое-то движение.

– Эй, кто там свет выключил? – крикнул сварщик.

Из-под крыши к нему на выступ фермы шагнул Ораз. За его спиной маячили двое «шестерок».

– Ты деньги-шменьги получил? Получил. Ну, так вот, делиться по справедливости надо. Шменьги можешь себе оставить, а деньги сюда давай.

– Ты чего, Ораз? Мы же земляки. Твой дом рядом с моим стоит.

Ширинбеков наклонился и отщелкнул карабин страховки сварщика.

– Может, ты летать умеешь? Дерну – и все.

Страховочный трос натянулся, и Вахид почувствовал – еще немного и он потеряет равновесие.

– Так умеешь летать? – Ораз глянул с двадцатиметровой высоты вниз.

– Слушай, не надо...

– Деньги сюда давай. И с этого дня с каждой получки треть мне отдавать будешь, как и все остальные.

Вахид перевел дыхание, но колебался недолго, поняв, что никто ему не поможет. Он вытащил деньги, завернутые в газету. Ораз хотел схватить их, но сварщик инстинктивно отдернул руку, а затем отчаянно крикнул:

– Ничего я тебе не отдам, – и уже почти забыв о том, где находится, вскочил на ноги.

Узкая ферма, нависавшая над строительной площадкой, загудела.

– Значит, все-таки полетать захотел... Ну и лети со своими деньгами.

Ораз резко дернул трос страховки. Сварщик качнулся. Какие-то доли секунды он смотрел в пропасть, в которую ему предстояло полететь. Но все же в последний момент успел сложиться пополам и повис, держась кончиками пальцев за балку. Газетный сверток упал с высоты на песок. И тут вспыхнул прожектор. Ширинбеков, уже занесший ногу, чтобы ударить Вахида по пальцам, обернулся. Из-за рифленой жестяной перегородки вышел Ларин. По его лицу было понятно, что он уже все для себя решил и будет не говорить, а действовать.

Двое «шестерок» Ораза не успели метнуться в темноту. Одного из них свалил резкий удар в шею, второй получил ногой в пах. Жалкий скулеж прокатился под металлической крышей. Ораз сразу почувствовал силу противника и инстинктивно попятился, неуверенно ступая по узкой металлической балке. Его забрызганный бетонным раствором ботинок опустился на пальцы Вахида. Дальнейшее заняло всего несколько мгновений. Андрей успел вырвать карабин со страховочным тросом из руки Ширинбекова и в падении ударил его ногой по колену. Гигант, взмахнув руками, рухнул в темноту, издав протяжный крик. Затем послышался глухой удар. Крик мгновенно захлебнулся.

Ларин и Вахид висели на разных концах страховочного троса, переброшенного через балку, и раскачивались. Тонкий страховочный тросик мог и не выдержать двоих. Он тихо потрескивал, переползая по острому краю металлического профиля. Перевешивал более тяжелый Ларин. Андрей протянул руку к сварщику, приблизил его к себе. Тросик предательски треснул; одна из прядей отскочила, свилась змейкой.

– Не дыши и держись за меня... – прошептал Ларин и потянулся свободной рукой к балке.

– Сорвемся, бригадир, – шепотом ответил Вахид.

– Может, и так. Но будет это в другой раз.

Ларин зацепился-таки за балку. А затем они, помогая друг другу, все же сумели вскарабкаться на ферму.

– Вот же черт, – Ларин посмотрел вниз на распростертое тело Ширинбекова и добавил: – А ты и в самом деле счастливый.

Вахид в ответ ничего не мог сказать. Его буквально трясло от страха. Внизу возле разбившегося Ораз уже собирались рабочие.

– Ладно, – Андрей похлопал сварщика по плечу, – нечего здесь расслаиваться. Надо народ успокоить.

«Шестерки» Ширинбекова, спрятавшиеся где-то под крышей, боялись высунуть нос. Ларин сбежал по гулкой металлической лестнице и стал перед полуколыском рабочих. Между ним и гастарбайтерами лежало мертвое тело их односельчанина. Каким бы ни был этот человек при жизни, но он был их земляком. А Ларин, даже немного умевший говорить на их языке, все равно оставался чужим. Подоспел и запыхавшийся Вахид. Он так и не решил, рядом с кем ему стать: с Андреем или с соплеменниками. Обстановка накалялась. Одно неосторожное слово могло взорвать ее. Бригадир нагнулся, поднял с земли газетный сверток и подал его сварщику.

– Держи свои деньги, – Ларину даже пришлось повторить. – Держи, – прежде чем Вахид решился прикоснуться к свертку. – Так будет с каждым, кто решится устанавливать тут свои порядки и грабить своих. Это всем ясно?

Андрей переводил взгляд с одного рабочего на другого. Никто не выдерживал его взгляда, все опускали головы.

– Может, кто-то хочет вызвать милицию? – спросил он.

Ответа не последовало.

– Тогда запомните все – Ораз был, но потом просто исчез. Ушел куда-то и не вернулся. И то, если только вас будут об этом спрашивать. Долго еще таращиться будете? Теперь все. Никто не будет никому отдавать свои деньги. Что заработали – все ваше.

– А с ним что делать? – наконец-то прорезался голос у молодого землекопа в выцветшей тюбетейке.

– Мало вы всякого строительного мусора на площадке в землю закопали? Ему самое место вон там, – и Андрей указал на глубокую яму, в которой только вчера установили фундаментные блоки.

Фонари на стройке погасили. Работали молча, но быстро и слаженно. Даже «шестерки» погибшего примкнули к общему делу. Никому из рабочих не хотелось, чтобы тут появилась милиция и началось разбирательство. Ведь тогда прощай работа в Москве и надежда хоть немного заработать. Мертвое тело закрутили в простыни и опустили на дно котлована. Загудела бетономешалка, и вскоре раствор уже лился на мертвого Ширинбекова. Поверх бетона набросали земли, и вскоре уже ничто не свидетельствовало о разыгравшейся на стройке трагедии.

– Все, на сегодня хватит, – приказным тоном произнес Андрей. – Завтра встанете на рассвете и закончите начатую работу.

Гудели на ветру натянутые тросы подъемного крана. Посвистывал ночной ветер в хитросплетениях металлических конструкций. Щелкала и звенела жесть временной крыши. Неподалеку переливалась огнями проезжавших машин московская Кольцевая дорога.

Ларин чувствовал себя уставшим и опустошенным. Он совсем не хотел убивать Ширинбекова. В конце концов, у него и не было морального права вторгаться в устоявшуюся жизнь этих людей, менять порядки. Он, как и подавляющее большинство жителей столицы, предпочел бы не замечать того, что творится в среде гастарбайтеров. Но сейчас Андрей не принадлежал себе. О личных желаниях и предпочтениях следовало на время забыть. Ведь он являлся бригадиром. Чем больше узнаешь о внутренней жизни закрытого сообщества, тем потом будет легче.

Андрей хлопнул дверью вагончика-бытовки и лег на старый продавленный диван, даже не снимая обувь. Он слышал, как по соседству с ним за перегородкой устраиваются на ночь его азиаты. Шуршали, разрываясь, пакеты с макаронами быстрого приготовления, булькал электрочайник. Люди шептались. Кто-то даже негромко напевал что-то свое – протяжное. Уставшие за день люди вели себя так, словно ничего экстраординарного и не случилось. Они смирились с тем, что здесь, в Москве, один из них может запросто исчезнуть. Каким бы негодяем ни был Ораз Ширинбеков, но у себя на родине они похоронили бы его как человека. Голоса сделались тише, словно отдалялись. Сон наконец сморил Андрея.

Проснулся он внезапно – от криков и звука ударов. Вагончик-бытовка буквально содрогался, как небольшое суденышко, попавшее в шторм. Ларин даже не успел толком понять – явь это или продолжение сна, как хлипкая фанерная дверь, ведущая в его бригадирскую комнату, проломилась. И кто-то стремительно, как дикое животное, бросился на него. Противник был щуплый, но в нем ощущалась отчаянная сила. Он набросился на Андрея с таким остервенением, словно от исхода схватки должен был решиться вопрос жизни или смерти.

Мужчины обычно так не дерутся. В ход пошли не только руки, ноги, голова, но и зубы. В полумраке хищно поблескивали раскосые глаза, пальцы тянулись к шее. Ларин сбросил с себя мелкого противника, тот гулко ударился о стену, но тут же вскочил на ноги, с криком подпрыгнул, намереваясь обрушиться на Андрея. Он был похож на крысу, атакующую человека. Ларин, схватив стул за спинку, швырнул его в нападавшего. Затрещали, разлетаясь, деревянные. Андрей снес плечом остатки двери и выскочил в соседнюю часть вагончика. А там уже творилось нечто невообразимое. В воздухе словно метель мела. Летали перья, выпотрошенные из подушек. Свистели, рассекая воздух, цепи. Мелькали увесистые дубинки и арматурины. Люди катались по полу, сцепившись друг с другом. Хрип, ругательства, стоны слышались со всех сторон. Судя по распахнутой настежь двери и крикам, доносившимся с площадки, драка шла уже и там. Не разбирая, где тут свой, где чужой, Андрей несколько раз ударил ногой по оказавшимся на его дороге и выскочил из вагончика.

До этого он терялся в догадках, что происходит. Кому понадобилось нападать на его нищих рабочих? Теперь же кое-что прояснялось. На них напали такие же выходцы из Азии. Но только выглядели они уже куда потрепаннее: заношенная одежда, худощавые лица, голодные глаза. В первую очередь их интересовали деньги. Кто-то проследил, что сегодня на стройку привезли зарплату. Но эта стая налетчиков не брезговала и продуктами питания. Ларин видел, как из бытовки тащат коробки с макаронами, консервы, сигареты. Но и его гастарбайтеры не сдавались. Сварщик махал перед собою сжатым в руке оголенным кабелем. Когда он задел медью железную обшивку вагончика, вспыхнул сноп искр. Рабочие уже успели вооружиться кто чем мог. В воздухе мелькали кирпичи, лопаты, кирки, гвоздодеры, обрезки арматуры.

Всякие побоища доводилось видеть Андрею в жизни. Дрались мастера рукопашного боя, матерые бандиты, хулиганы и просто пьяные. Но сегодняшнее ночное зрелище было одним из самых впечатляющих. Не по количеству пролитой крови, не по сломанным носам и разбитым головам, а по той ожесточенности, с которой люди дрались за пропитание и мизерные деньги.

На гастарбайтеров, получивших сегодня деньги, налетела не толпа, а именно стая, свора, где каждый мыслит себя не столько индивидуумом, сколько частью группы. А потому инстинкт самосохранения, присущий даже животным-одиночкам, отходит на второй план, но лишь до того момента, как в руки попадает добыча.

Зрелище было настолько страшным, что Ларин чуть не пропустил удар багром, сорванным с пожарного щита. Спасло то, что он заметил четкую тень на стенке бытовки. Вот тогда и включились отработанные до автоматизма навыки, приобретенные во время тренировок. Силу, вложенную противником в удар, всегда можно использовать против него самого. Андрей уклонился. Тяжелый багор, не найдя, во что удариться, не найдя цели, потянул за собой щуплого брюнета в потертой джинсовой куртке не по размеру. Оставалось только вырвать багор у

него из рук и ударить сзади. Брюнет врезался головой в стенку, отскочил назад и схватился за темечко. Из-под грязных пальцев потекла кровь. Ларин не стал валить его с ног. В этом уже не было смысла. Он просто крикнул, зарычал на него, замахнулся, как если бы видел перед собой одичавшую собаку. Щуплый парень в джинсовой куртке, петляя, побежал к прорезанной в сетчатом ограждении дыре. В ней по одному уже исчезали и те, кому досталась хоть какая-то добыча. Брошенные товарищами грабители остались в меньшинстве и вскоре были прижаты к штабелю железобетонных плит. Они еще скалились, размахивали цепями и обрезками арматуры, но уже не решались нападать сами. Гастарбайтеры были готовы прикончить их. В проигравших полетели куски бетона, обломки кирпичей.

– Стоп! – крикнул Ларин, останавливая своих людей.

Те хоть с неохотой, но прекратили избиение, однако продолжали сжимать в руках импровизированные орудия самообороны. В наступившей тишине было слышно, как тяжело дышат шесть десятков разгоряченных дракой мужчин.

– Бросить то, чем вы дрались! – Андрей приблизился к оборонявшимся. – И мы вас больше не тронем. Считаю до пяти, – он поднял над головой растопыренную пятерню, стал по одному загибать пальцы. – Один, два, три... Вы же люди! Опомнитесь...

На счет «четыре» цепи, куски арматуры упали на землю. Разум взял верх над желанием поживиться.

– Пять, – с облегчением проговорил Ларин и опустил руку. – А теперь стали лицом к стене, руки над головой. – Обыщите их.

Документов у грабителей не оказалось, если не считать нескольких помятых проездных на транспорт. У них забрали не только украденное, но вообще все, что представляло хоть какую-то ценность. Среди прочего оказался и газетный сверток с деньгами, отнятыми у Вахида. Тем не менее, все без исключения деньги сложили вместе. Рабочие рылись в бытовке, выворачивали порванные карманы. Многие не досчитались своих зарплат – те исчезли вместе с убежавшими. Схваченные на месте преступления смотрели с тоской в глазах, понимая, что итог налета может оказаться для них трагическим.

– Что с ними делать будем? – спросил Вахид. Он уже чувствовал себя приближенным к Ларину, а потому и решался задавать вопросы бригадиру.

Скажи Андрей сейчас, что грабителей следует порубить на куски или закопать живьем, так бы и случилось. Чувство мести буквально распирало ограбленных.

– Почему вы напали? – спросил Ларин.

– Работы нет, документы украли, домой вернуться не можем, жить надо... – ответил один из налетчиков.

– Вы же грабите таких, как вы сами...

– Магазины, квартиры воровать – посадить могут, – раздался в ответ голос. – А вы милицию звать не станете.

– Откуда узнали, что на стройку зарплату привезли?

– Ширинбеков нам сказал...

– Кто у вас главный?

– Убежал, и за нами не вернется.

Ларин почесал голову, понимая, что по большому счету грабители тоже жертвы. Если человек остается без средств к существованию, то пытается выжить любым способом.

– Пошли отсюда, – произнес Ларин.

Никто не шелохнулся, ни одна из сторон просто не могла поверить, что такое может произойти.

– Бригадир, ты... вы их отпускаете? – проговорил кто-то с недоумением.

– Мне проблемы не нужны, – твердо сказал Андрей, не вдаваясь в подробности. – И вам, кстати, тоже. Хотите больших неприятностей? Они будут. Кто против того, чтобы их отпустить?

Возникла пауза, никто не решился перечить бригадиру.

– Тогда идите. И больше мне не попадайтесь.

Грабители сперва осторожно двинулись к прорезанной в сетке дыре, а затем, оказавшись по другую сторону изгороди, побежали.

– Зря ты так, бригадир.

– Ну, вот и все, – вымолвил Ларин, пропустив замечание мимо ушей, а потом все же пояснил свое распоряжение. – Сегодня они так стояли, завтра вы можете у стены стать. Решайте, как будете делить отобранные деньги.

– Ты бригадир, тебе и решать, – напомнил Вахид.

– Мое предложение такое: положить сюда, – он указал на уже отобранное у грабителей, – то, что у кого осталось, и разделить поровну. Ведь вы земляки. Но решайте сами.

Гастарбайтеры зашептались. Андрей не хотел больше вмешиваться в их дела. Сегодняшний день и так был насыщен неприятностями, но внутреннее чувство подсказывало, что их запас еще не исчерпан. Никогда не знаешь, насколько может быть плохо. Ларин первым ощутил, что в темноте за оградой происходит какое-то движение. В голове мелькнула мысль, что, возможно, возвращаются грабители, вновь сбившиеся в стаю.

«Черт, пистолет в тайнике остался», – подумал Андрей и нагнулся, поднимая с земли обрезок трубы.

Теперь уже насторожились и рабочие. Они переглядывались и вооружались кто чем мог. И тут за воротами послышался звук работающего мотора, вспыхнули фары. Тентованный грузовик легко снес бампером створки, ворвался на территорию стройки. Из кузова высыпался десяток бойцов в экипировке, предназначенной для разгона массовых беспорядков: пластиковые шлемы с забралом, дубинки, щиты с надписью «МИЛИЦИЯ». Следом за грузовиком въехала «Волга» с милицейскими номерами и небольшой автобус с затемненными стеклами.

Свет трех пар фар безжалостно высветил на фоне составленных в два яруса бытовок вооружившихся чем попало рабочих. Ларин стоял к цепочке бойцов ближе остальных. Положение сложилось для него не лучшим образом. Ему не стоило иметь дел с милицией. Одно дело – давать взятки участковому за просроченную или липовую регистрацию гастарбайтеров. И совсем другое, когда к тебе пожаловало целое подразделение, а подготовиться к встрече ты не успел. Люди твои вооружены, на земле следы крови, на бетонной плите стопкой сложены деньги. Тут уж не хватит откупиться даже тех купюр, что остались от выданных на текущие расходы Хайдаровым. Их просто заберут. А если самого возьмут в оборот, то может выплыть и правда: то, что на самом деле никакой он не бригадир среднеазиатских строителей. Вот этого допустить нельзя. Первым желанием было рвануть, перемахнуть через невысокую ограду и раствориться в темноте. Но тогда бы пошли прахом полгода подготовки. Заваливать же порученные ему дела Ларин не привык. В конце концов, убежать можно было и позднее. Правда, шансов становилось бы меньше.

Бойцы со щитами стояли наготове. Достаточно было одной только команды, чтобы они обрушились на рабочих и, применив спецсредства, уложили их на землю. Дверца «Волги» открылась. Из машины выбрался вполне жизнерадостного вида милицкий майор и, улыбаясь, посмотрел на Ларина. Андрей окончательно отбросил мысль о побеге, разжал пальцы, кусок арматуры зазвенел у него под ногами. Следом и рабочие побросали на землю свое «вооружение».

– Так, – осматриваясь и продолжая улыбаться, произнес майор. – Всем построиться у стены.

Рабочие торопливо построились у бытовки. Ларина майор остановил властным движением руки.

– Вы главный в этой шайке?

– Я бригадир. И это не шайка, товарищ майор, а строители. Работаем на объекте по контракту...

Милиционер даже не стал дослушивать, поднял руку.

– Шайка или бригада, это мы и сами разберемся. Что тут происходит? Почему кровь? – он подошел и осмотрел с разных сторон стопку денег на бетонной плите, рядом с которой лежал пяток потрепанных мобильных и старый цифровой фотоаппарат.

– На нас напали ночью, товарищ майор...

И вновь милиционер не стал дослушивать, чувствовалось, что у него уже загодя есть своя версия произошедших событий. Возможно, даже появление грабителей было провокацией. Контора из другой среднеазиатской республики вполне могла пожелать заполучить выгодный объект для своих рабочих. Заплатила милиции и погромщикам, вот и появились они с «правильным» временным интервалом.

– А я думаю по-другому, – с ухмылкой проговорил майор. – Ваши рабочие не поделили полученные деньги.

– Это не так, – вставил Ларин.

– Во всем разберемся. У вас будет время подробно рассказать о случившемся, что мы и зафиксируем в протоколе. А пока проведем стандартную процедуру. Предъявите документы и регистрации, договоры с подрядчиком.

– Они у меня в бытовке, в сейфе, – Ларин обозначил движение к вагончику.

– Вы ключ нам дайте, а сами оставайтесь на месте, – улыбка сползла с лица майора.

Вскоре он уже держал в руках стопку паспортов и папку с документами. Первым делом раскрыл паспорт Ларина, сверил фото с оригиналом.

– Совпадает, – произнес он. – Вы, значит, гражданин Российской Федерации?

– Разве не видно? – парировал Ларин.

– А почему тогда работаете на иностранное бюро по трудоустройству? В России хорошей работы не нашли?

– Моя работа противоречит законодательству?

– Случается, что очень сильно противоречит, – вновь улыбнулся майор. – А случается, что и нет. Вы не переживайте, разберемся. И с вами, и с вашими рабочими.

Для чего прибыл автобус с затемненными стеклами, пока для Ларина оставалось загадкой. Никто не входил в него, никто не выходил. Майор тем временем принялся называть фамилии рабочих. Те выходили. Милиционер присматривался, листал паспорта, убеждаясь, что перед ним те самые люди, которым и принадлежат документы. Наконец в руках у него остался один паспорт.

– Ширинбеков, – вызвал он.

Никто, естественно, не сделал шаг вперед. Над мертвым Оразом несколько часов тому даже бетон схватился, превратившись в монолитный камень.

– Ширинбеков, – повторил милиционер и обернулся к Ларину, требуя объяснений.

– Я вечером отпустил его в город, – спокойно произнес Андрей. – Они не заключенные, не крепостные, чтобы безвылазно сидеть на стройплощадке.

– Что ж, и это проверим. Надеюсь, не его кровь я вижу на песке. Так, с регистрацией, если она, конечно, настоящая – а это мы обязательно пробьем, – у вас все в порядке. И контракт проверим. Ведь всякое случается.

Ларин набрался наглости и поинтересовался:

– Можно узнать, почему вы и ваши люди здесь появились? Я милицию вызвать еще не успел.

– Звонок бдительного прохожего: слышал крики, видел драку... Вот нам и поступил сигнал. Мы оперативно на такие вещи реагируем.

Говоря эти слова, майор мило улыбался. Ведь и ему было понятно, что за сетчатой оградой сотни метров пустыря, по которым ни один добропорядочный и законопослушный человек ночью прогуливаться не станет.

– Спасибо, что объяснили, – сдержанно ответил Андрей.

– Пока мы здесь будем проводить обыск, вы съездите с нашими сотрудниками. О документах не беспокойтесь, они у меня побудут до выяснения обстоятельств дела.

Спорить было бессмысленно. Ларин было подумал, что слова «съездите с нашими сотрудниками» означают сесть в «Волгу», к ней и направился. Но майор окликнул его:

– Не сюда.

Зашипела пневматика, и дверь небольшого автобуса с тонированными стеклами отошла в сторону. Внутри было темно.

– В автобус? – на всякий случай переспросил Андрей, подозревая, что все для него может кончиться даже хуже, чем он предполагал.

Возможно, и гастарбайтеры, и нападение на них, и появление милиции являлось лишь ширмой спецслужб, вышедших на след тайной организации по борьбе с коррупцией. И настоящая цель всего предприятия, захватить его – Ларина.

– Поторопитесь! – прозвучало в спину Андрею, когда он на мгновение задержался перед блестящей рифленой подножкой автобуса.

В салоне было темно. Он видел лишь силуэты двух сидящих внутри людей. Дверь за Лариным с шипением закрылась, и автобус, заурчав двигателем, выехал за ворота стройплощадки. Никто не предложил Ларину сесть, никто не отдавал ему распоряжений. Он стоял возле кабины водителя, отгороженной сплошным затемненным стеклом, всматривался в полумрак и глубоко дышал, перебирая в голове варианты того, как следует вести себя дальше. В мыслях уже виделся утомительный допрос у следователя.

То, что автобус не имеет отношения к милиции, во всяком случае, к заурядному райотделу, он почувствовал почти сразу – слишком новый, слишком ухоженный и дорогой. Да и запах в салоне стоял странный. Обычно любая милицмейская техника бывает насквозь пропахшей терпкими мужскими запахами. Андрей потянул носом, различив еле уловимый, причем знакомый запах духов.

– Лора? – негромко спросил он, всмотревшись в темноту.

– Догадался же, черт, – наконец-то один из силуэтов пошевелился, и на фоне окна Ларин увидел, как поблескивают длинные женские волосы.

В салоне зажегся неяркий плафон, в свете которого Андрей уже отчетливо видел расположившихся на заднем сиденье свою напарницу Лору и невысокого мужчину с мясистым лицом – Павла Игнатьевича Дугина. Андрей хоть и работал на него уже не первый год, но до сих пор толком не знал, какую именно должность занимает этот высокопоставленный аналитик в верхних эшелонах Министерства внутренних дел России. Но зато он знал другое – то, о чем даже не подозревало большинство простых смертных и, конечно же, руководство самого Дугина.

Павел Игнатьевич являлся главой, мозгом и организатором тайной структуры по борьбе с коррупцией, действовавшей абсолютно неконституционными методами. Экономическое и правовое состояние российского государства просто не могло не породить этой глубоко законспирированной организации, не имевшей даже названия. Когда коррупция разъедает все эшелоны власти, проникает на все уровни от патрульно-постового милиционера до министров силовых ведомств, бороться с ней законными методами становится невозможно. Ведь получается, что преступники должны ловить и изобличать сами себя. Они действуют нагло, будучи уверены в безнаказанности. Они заранее предупреждены о любом движении следствия. Этот

принцип был раз и навсегда сформулирован в русской народной мудрости уже много веков назад: «Рука руку моет».

Коррупция в России – это уже не исключение из правил, а стиль жизни, могущественная сила. Но любая сила порождает и противодействие. Закон физики. Вот, благодаря Дугину и случилось то, что должно было случиться. Он, используя свое высокое служебное положение, смог собрать информацию о многих честных офицерах-силовиках, пострадавших из-за того, что они пытались противостоять беззаконию в рядах своих ведомств, и желавших привлечь к ответственности зарвавшихся чиновников. Да, их увольняли, лишали должностей и званий, даже судили и отправляли на зоны – лишь за то, что они пытались добиться справедливости и соблюдения закона для всех без исключения. У продажных чиновников всегда находился способ расправиться с неугодными и через купленных следователей, свидетелей, судей, прокуроров придать делу видимость законности. Закон против оборотней в погонах почти бессилен. Дугин отыскивал этих честных офицеров, используя свое влияние, и вновь устраивал на службу. Некоторых, как Ларина например, ему даже удалось вытащить из тюрьмы, устроив ему побег.

Тайная организация со временем приобрела определенную структуру. Дугин был гением конспирации. Он создал «тройки». Лишь трое участников – честных офицеров знали друг друга лично. Знали еще и того, кто был над ними, но не ведали, какую должность и где он занимает. В случае провала выдергивалось лишь одно звено, но организация оставалась на плаву. Иногда даже работающие в одном кабинете члены тайной организации не подозревали, что их сосед тоже состоит в ней. Главной целью Дугина было не покарать всех коррупционеров, ведь это невозможно из-за массовости явления. Тактика была эффективна: он сделал ставку на яркие точечные удары, которые получали бы огласку в обществе. И неважно, за что в итоге садился в тюрьму бравший миллионные взятки чиновник – хоть за подстроенные сексуальные преступления. Главное, что он был наказан и его окружение понимало, в связи с чем свершилось над ним возмездие.

Иногда в организации Дугина использовали даже прямое физическое устранение, если нельзя было поступить по-другому. Главное – эффект от этого, а руки у членов организации не были связаны никакими инструкциями и законами. Они действовали против преступников в погонах и засевших в чиновничьих креслах коррупционеров их же методами. Об организации уже ходили легенды. Ее участников пытались выследить, перекупить. Но людей объединяла идея, а это куда сильнее подкупа и угроз. К Дугину стекалась информация, поэтому он заранее мог предвидеть возникающие опасности, обходить и предотвращать их.

Бывший наро-фоминский опер, бывший осужденный, отбывавший срок на зоне «Красная шапочка» для сотрудников МВД, прокуратуры и ФСБ, Андрей Ларин был боевым копьем организации, одним из многих, но лучшим из них. Именно ему Дугин и доверял самые ответственные задания. Для всех людей человек, бывший некогда Андреем Лариным, стал мертв. Его обгоревший труп был найден на пожарище коттеджа, который заключенные возводили для начальника зоны. Тело опознали лишь по нательному крестику. А затем была пластическая операция, месяцы тренировок по стрельбе, экстремальному вождению, рукопашному бою... Менялись конспиративные квартиры, документы... Прежняя жизнь иногда казалась Андрею нереальной, словно все происходило и не с ним вовсе. Ведь теперь ему приходилось выдавать себя то за журналиста, то за бизнесмена, то за сотрудника силовых структур. Естественно, такому человеку не положено было иметь ни друзей, ни знакомых, ни даже постоянной женщины. Для него существовали лишь напарники и изредка напарницы по заданиям. Кто окажется с ним в одной связке в следующий раз, определял исключительно Дугин. Иногда Андрей и сам толком не знал всей схемы операции – не позволяла секретность. Дугин обрисовывал лишь его участок работы. А остальное ложилось на плечи других людей. Десятки аналитиков, информаторов обеспечивали выполнение задания. И иногда сообщение, полученное от про-

стого участкового, находившегося на нижней ступеньке иерархии тайной организации, значило куда больше, чем секреты, раздобытые в недрах администрации президента.

– Ну, как тебе новая работка? – прервал затянувшееся молчание Павел Игнатьевич Дугин.

– Могли бы появиться и менее затейливым способом. Все-таки нервы, даже у меня, не железные.

– Это не дешевый эффект, Андрей, и я не народный артист России, чтобы специально такие фокусы устраивать. Самое странное, что майор, когда говорил тебе о звонке прохожего, не лукавил. Сигнал-таки от гражданина поступил. Правда, не по линии экстренной службы, а напрямую мне. А у меня всегда наготове есть свои люди, легкие на подъем. – Дугин повел рукой в воздухе, словно очерчивал шеренгу бойцов со щитами.

– Ваш человек следит за стройкой?

– Во-первых, не ваш, а наш. А во-вторых, естественно, ты у меня под наблюдением. Фиксируем, кто приезжал, когда; отслеживаем, куда направился, с кем встретился. Так что картина вырисовывается вполне определенная. Я же не просто так старался тебя бригадиром в фирму по трудоустройству гастарбайтеров внедрить. Для этого человек твоей квалификации не нужен. Теперь, когда мне стали понятны вертикальные и горизонтальные связи, существующие между среднеазиатскими рекрутинговыми конторами и Департаментом труда и занятости, я уже хорошо представляю, куда тебя следует дальше двинуть. Сделаешь головокружительную карьеру в криминальном бизнесе.

Лора пока молчала, лишь слегка улыбалась. Ларин ее недолюбливал, хотя никаких претензий, кроме характера, предъявить к ней не мог. Все, за что бралась эта уж очень независимая молодая женщина, она делала блистательно и с выдумкой.

– Павел Игнатьевич, как я понимаю, мне и в дальнейшем придется работать с Лорой?

– Естественно. Знаю, что у вас иногда случаются нелады – не сходитесь характерами. Но о таких мелочах ради пользы дела можно и забыть.

Лора улыбнулась шире и, как показалось Андрею – даже немного хищно.

– Я знаю, что во мне тебя раздражает. Я конченная стерва. Но для женщины это не минус, а огромный плюс, – Лора даже развела изящные руки в стороны, как рыбак, похваляющийся уловом. – Иногда нужно не только метко стрелять и кулаками махать, но и уметь бедрами перед самым носом у мужика покрутить. От этого у вашего брата мозги иногда почище отшибает, чем от правильно проведенного хука левой.

– Не прибедайся, Лора, – усмехнулся Ларин. – Иногда ты и врезать умеешь.

– Что есть, то есть, – согласилась женщина. – Так что придется тебе со мной на время смириться. Обещаю, что никаких поползновений, чтобы соблазнить тебя, предпринимать не буду.

– И не получится, – заверил Андрей.

– Это мы еще посмотрим.

– Ладно. К делу, – Ларин провел ладонью по лицу, словно смахивал сонливость. – Долго ваши... наши люди, – поправился он, – будут моих работяг третировать? Им, между прочим, с самого утра на верхотуре работать надо.

Дугин похлопал Андрея по плечу.

– Ровно столько, чтобы вся акция выглядела вполне реальной. И вообще, Андрей, ты слишком вжился в роль. За стройку можешь не переживать. Возведут торговый центр и без тебя. На нижнем уровне со всем безобразием, которое там творится, никогда не справишься. Будь ты хоть сто раз честным человеком, как твой прораб Фидель Иванович. Не заботься о единицах – тогда спасешь тысячи.

– Одичавшие гастарбайтеры, готовые убить за корку хлеба и сторублевую бумажку... Это, надеюсь, не ваша идея? Не вы их к нам подослали?

– Нет-нет. Не стоит придумывать то, что и так существует в природе. Они – порождение системы. Сами налетели. Ты верно подметил – одичавшие. Раньше я подобное только среди собак видел, а они – показатель; ведь собака – друг человека. Это люди вывели их из волков путем отбора. Вы, ребята, наверное, не раз видели, особенно в дачных поселках, диких собак. Летом дачники их немного прикармливают. Пока их немного и они сытые, то вроде бы безобидные. Ну так, порычать могут, машину или велосипедиста облаять. А потом дачники уезжают, и собак уже некому кормить. Вот тогда они сбиваются в стаи и добывают себе пропитание, как умеют. В первую очередь расправляются с теми, у кого одна с ними судьба, но кто слабее их. Бродячих котов тоже хватает, вот и рвут их на части. А потом и за людей принимаются. По моей статистике, в подмосковных дачных поселках каждый месяц до пяти смертельных исходов от нападения бродячих собак. А сколько покусанных, так это один бог знает. Не каждый к врачу станет обращаться.

– Павел Игнатьевич, я по вашей воле сейчас с людьми работаю, а не с собаками. В чем-то вы правы, но я смотрел в глаза и тех, кто на нас сегодня напал. В другой ситуации, у себя дома, я уверен, они были очень приличными людьми, не хуже нас с вами. Своему чутью я доверяю.

– Ты меня не дослушал. И мне не хотелось бы проводить параллель между людьми и животными, но она, к сожалению, существует. И вероисповедание, национальность тут не играют никакой роли. Возможно, мы с тобой, окажись в их стране в подобной ситуации, одичали бы еще быстрее и худшим бы зверьем сделались. Но ты не забывай, что есть и другие. Помни: ислам моложе христианства почти на семьсот лет. И в этом смысле они все молодые нации. Мы, христиане, в их возрасте еще не растратили свой запал, несли по всему миру свои привычки и нормы жизни. Русские огнем и мечом покоряли Сибирь, не считаясь с народами, которые ее населяли. Европейцы в это время точно так же покоряли Америку и относили древние цивилизации индейцев к варварам... Ладно, хватит истории. Ты в ней разбираешься не хуже меня и понимаешь, что я имею в виду. Беда не в том, что к нам приезжают рабочие из бедных стран, без этого не обходится ни одно развитое государство в мире. Это необходимость для всех мировых столиц, какой является и Москва. Другое дело, что это происходит абсолютно бесконтрольно.

– Ну как же? – с издевкой произнесла Лора. – И у нас есть Департамент труда и занятости, есть квоты. Ну а все остальное... это так, мелкие недостатки. Не станет же коренной москвич от заката до рассвета расчищать снег лопатой да метлой махать. Для этого надо кого-то из-за границы пригласить.

– Не прикидывайся дурочкой, Лора, – укоризненно покачал головой Павел Игнатьевич. – Подобные аргументы можно только простым обывателям в пример приводить, а не нашему Андрею, который уже находится внутри системы и знает, как она действует, не понаслышке. Да, есть квоты. Но весь вопрос – кто контролирует их соблюдение? Без должного контроля все получается так, как если бы пассажиры заходили в автобус: один показывает проездной билет, а потом передает его через плечо следующему. Так по одному проездному билету весь автобус и заполнится под завязку. В Департаменте труда и занятости и при прежнем его главе, Викторе Дерищенко, большого порядка не было. Но покойный, надо отдать ему должное, по российским понятиям, крал в меру. Продавал квоты рекрутинговым фирмам, но хоть как-то считался с последствиями, чем, наверное, и не угодил тем, кто платил ему деньги. Официальная версия его гибели – несчастный случай. Но по моим данным, его элементарно устранили.

– И как всегда в таких случаях, нужно искать того, кому это выгодно. Преемник на должности? – спросил Ларин.

– Новый глава Департамента Олег Юрьевич Пролясковский не столько преемник Дерищенко, сколько протеже тех, кто поставляет трудовых мигрантов в Москву и другие города России. Вот им-то уж точно нет дела до последствий. Я подозреваю, что с ним махровым цветом распустится следующая схема. По одной и той же квоте в нашу страну будут запускать в

три-четыре раза больше мигрантов, чем положено. И заметь, Андрей, – больше, чем нужно государству. Теперь смотри. Твои ребята работают на стройке. Подобной бригаде среднеазиатов, в какой ты бригадируешь, для начала заплатят. Один раз – полную зарплату, потом – лишь половину, затем – треть. Наши застройщики и подрядчики отлично выучили слово «кризис» и постоянно вкручивают его, объясняя свое нежелание платить. Ну, а потом твои работяги в надежде, что им со временем отдадут уже заработанное, будут еще вкалывать три-четыре месяца, не получая ни копейки. Куда денешься с подводной лодки? Особенно когда тебе объясняют, что кризис виноват. Да и должны тебе приличную сумму, которую не хочется терять. Когда же приезжие работяги обессилят и одичают от безденежья, бунт поднимут, выяснится, что фирма-однодневка, подписавшая с ними контракт, просто исчезла. На их место в Россию привезут очередную партию людей. Рождаемость на Востоке высокая, как, впрочем, и безработица. А вот твои работяги останутся у нас в Москве. Точно так же и наши люди, уехавшие на Запад, редко когда возвращаются. Добавь сюда клановость; каждый специалист, сумевший хоть немного зацепиться у нас, перетащит сюда со временем всю свою деревню. Даже сегодня в московских роддомах женщины-гастарбайтеры почти стопроцентно отказываются от своих детей, передавая их на опеку государства. Проблема и сейчас не из легких, а Пролясковский со своими компаньонами только усугубит ее. Там, где скученность, нищета и безденежье, где люди просто не имеют возможности обратиться к врачу только потому, что у них кончилась регистрация, неминуемы вспышки эпидемии...

Лора явно скучала, посматривая в окно мчавшегося по Кольцевой автобуса. Она беззвучно шевелила губами, будто разговаривала сама с собой, обсуждая перспективы. Ларин слушал пространные рассуждения Дугина и практически полностью был с ним согласен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.